Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект)

Г.Г. Шпет / Comprehensio
Четвёртые Шпетовские чтения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2003

О.В. Картавая (Томск)

Значение феноменологического подхода в формировании образа мира

В Древней Греции окружающий жизненный *мир* стал открытием для Фалеса и других первых философов, которые стремились ответить на вопрос, в чем его первооснова. В XVII в. не без участия Р. Декарта происходит окончательное деление всего на *идеи*, составляющие содержание сознания, и *внешний мир*, трансцендентный по отношению к этим идеям. Все последующие рассуждения о мире можно свести к трем видам высказываний: внешний мир существует и его можно познать (реализм), мир существует, но он не познаваем (принцип «вещи в себе»), допущение действительности, существующей независимо от человеческого сознания, бессмысленно (антиреализм). Вопрос об основании не теряет своей значимости и обсуждается с новой силой. Но в XX в. сам вопрос и возможность дать на него однозначный ответ ставятся под сомнение. Одним из таких «поворотных» проектов прошлого столетия, на наш взгляд, является феноменология Э. Гуссерля.

Феноменологический проект был задуман как новая версия субъективного трансцендентализма. Гуссерль, принимая интенциональность сознания за основу, исходит не из субъекта *познания*, существующего «прежде всего при себе самом и лишь потом трансцендирующего собственную субъективную сферу в направлении объекта» [1. 75], а из субъекта *сознания*, который сущностным образом интенционально отнесен к реальному сущему. Иначе гово-

ря, в феноменологии не существует той изначальной пропасти между человеческим сознанием и внешним, независимым от него миром, которая была создана философами Нового времени, сознание всегда уже при сущем благодаря его способности быть всегда «сознанием о...».

Конечную цель своих феноменологических изысканий Гуссерль видит в описании структуры чистого сознания. Ни «мир», ни «идея мира» никогда не были предметами специального анализа в работах Гуссерля. Но тогда о каком *мире* вопрошаем мы здесь?

Прежде чем добраться до чистого сознания, феноменолог должен произвести феноменологическую редукцию, посредством которой осуществляется переход от естественной установки сознания к феноменологической, где «мир» заключается в скобки. Но это не означает, что Гуссерль отвергает существование действительного мира, а его учение можно отнести к одной из точек зрения, которую мы условно обозначили как антиреализм. Заключением в скобки он констатирует тот факт, что мир как «реальная действительность», как совокупность предметов опыта не является предметом феноменологии, но при этом не исключается его возможность быть предметом другой области знания. «Я не отрицаю этот «мир», как если бы я был софист, и я не подвергаю его существование здесь сомнению, как если бы я был скептик...» [2. 73].

Гуссерль уверен, что открытое с помощью феноменологической редукции трансцендентальное Я «отличается» от естественного Я и в то же время тождественно ему, различие состоит лишь в изменении *установки*. С заменой одной установки на другую мы получаем *другое* Я, все же тождественное исходному, но другое по способу бытия, возможно, другое по структуре и функциям, которые оно выполняет. Проводя редукцию, мы исключаем одну установку (вместе с ее миром) и переходим в другую установку – феноменологическую в данном случае. Но мы можем поставить перед собой совершенно другие цели, тогда вместо феноменологической будет фигурировать другая установка.

В феноменологической установке сознания мы имеем некий «мыслимый мир» вообще, соотнесенный с неким мыслимым видоизменением субъективности, предполагаемой в качестве «конституирующей свой мир». В феноменологической установке *мир*

превращается в «феномен мира», структуру бытия, которая для такого субъекта имеет значение идеальной предметности.

Помимо феноменологической установки существуют и другие виды установок. Гуссерль, осуществляя свой феноменологический проект, вполне оправданно стремится к феноменологической установке, редуцируя все остальные установки, но не отрицает их существование, а своим заявлением о необходимости их редукции только подтверждает их необходимое существование для жизни человека и его сообщества.

Обратимся к работе «Идеи I», где Гуссерль определяет мир «реальной действительности» как «основополагающую форму всякой актуальной "жизни"», причем под «актуальной жизнью» подразумевается жизнь человека «наивного», не отягощенного глубокими размышлениями, жизнь в «мире естественной установки» [2. 67]. Но возможны и другие *миры*, например арифметический. «И этот мир чисел, именно как поле объектов арифметических занятий, тоже есть для меня здесь... Арифметический мир здесь для меня лишь тогда и постольку, когда и поскольку я остаюсь в арифметической установке» [2. 68].

А как быть с другими видами установок? В «Идеях I» различаются естественная и феноменологическая установки сознания, науки с догматической и философской установкой. В более поздней работе «Кризис европейского человечества и философия» будут обозначены *научная* и *мифо-религиозная* установки сознания [3. 637–638]. Трудность в том, что Гуссерль в своих работах использует понятие «установки» интуитивно, не проясняя его смысл.

Возьмем, например, науки с догматической установкой и философской. Наука с догматической установкой обращена к вещам, спрашивая, в качестве чего же дают себя вещи непосредственно и что может быть раскрыто относительно этих вещей. Наука с философской установкой изучает скептические проблемы возможности познания. Мы видим, что науки с различными установками имеют различные методы и предметы исследования. Теперь обратим взгляд на естественную и феноменологическую установки сознания. Здесь под «установкой» понимается обращенность взгляда на что-то, определенный способ усмотрения.

Следует обратить особое внимание на то, что Гуссерль указывает на преимущество естественной установки перед другими видами установок. «Если я вдруг начинаю усваивать себе арифметический и подобные же иные миры, осуществляя соответствующие установки, естественный мир и тогда остается наличным, я как был, так и остаюсь в естественной установке, которой не мешают новые установки» [2. 68]. Но это не значит, что другие установки подчинены естественной, а жизненный мир включает в себя миры других установок. Естественный мир в момент работы моего сознания, например в рамках арифметической установки, присутствует как *фон* моего сознания, но не является горизонтом, в который включается и от которого зависит этот арифметический мир. Поэтому арифметический мир все же в определенной мере независим от естественной установки. Создается впечатление, что Гуссерль нашел в естественной установке то, чего не искал, – основание всего, но сам бежит от него в поисках чистого сознания как основания любой сознательной жизни.

Мир естественной установки так же, как и мир арифметический, оказывается зависим от установки моего сознания. «... мир для меня – не просто *мир вещей*, но – в той же самой непосредственности – и *мир ценностей, мир благ*... я нахожу вещи снабженными как свойствами вещей, так и ценностными характеристиками – они прекрасны и безобразны, приятны и неприятны... Такие ценностные и практические характеристики тоже *конститутивно* принадлежны *"наличным объектам" как таковым*» [2. 67].

В поздних произведениях Гуссерль вернется к понятию «установки», но там уже изменится само содержание этого понятия. «Под установкой, вообще понимается привычно-устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, интересов... В этом пребывающем стиле как в нормальной форме развертывается любая определенная жизнь. Человечество в своей исторической ситуации всегда живет в какой-либо установке» [3. 640]. Как мы уже говорили, помимо *естественной* и противопоставленной ей *феноменологической* Гуссерль различает еще *научную* и *мифо-религиозную* установки сознания. Установка начинает рассматриваться не просто как творение какой-либо субъективности, а, прежде всего, как возможное в горизонте интерсубъективности, как осу-

ществляемое совместно многими субъектами, локализованными в определенном культурно-историческом пространстве.

Если продолжить мысль Гуссерля, учитывая включенность человека в ту или иную историко-культурную традицию, можно говорить об установках различных культурных традиций, а соответственно и о различных *мирах*, которые порождают и в которых живут люди. Естественная установка, или любая другая, задает границы мира, в котором живет человек. Мир предстает не как набор независимых от человеческого сознания предметов и явлений, которые человеку остается только фиксировать как статисту, участвующему в грандиозном эксперименте длиною в жизнь, а как *человеческий* горизонт, который очерчивает, избирая ту или иную установку, сам человек совместно с другими людьми. Но чинить произвол в этих построениях ему не дают горизонты других людей и *традиция*, которая предстает как фон по отношению к миру этого человека.

Итак, мы уже говорим не об одном *мире*, а о *множестве миров*, которые конституируются в рамках различных установок сознания. Но в этом и состоит значение феноменологии Гуссерля как поворотного момента в процессе замены *мира самого по себе*, который создала субстанциальная метафизика и репрезентативная эпистемология Нового времени, на *мир-описание* или *мир-конструкт* дескриптивной метафизики и конструктивной эпистемологии современности (термины мир-описание и мир-конструкт используются условно для различения «мира» новоевропейской метафизики и «мира» в новом понимании). Гуссерль, рассмотрев человеческое сознание как существующее в горизонте различных установок, которые конституируют множество миров для жизни сознания, оказался одним из открывателей нового пути, по которому потом пойдет человеческое сообщество в осмыслении своего существования (и вот ирония судьбы, я не нахожу другого термина) в *мире*.

В свете вышеуказанных изменений нельзя не говорить о необходимости ответа на вопрос о том, в чем же *мирность* этих *миров*, если мы, отказавшись от мира-самого-по-себе, опять возвращаемся именно к *миру*, а не к чему-то иному.

P.S. Жизнь обрекает человека на несвободу от мира, который он создает и в котором он живет. Но что мешает ему быть свободным в выборе «мира»? Феноменологическая аналитика человеческого сознания сама является лишь одной из возможных «установок».

Литература

1. *Херманн Ф.-В. фон.* Жизненный мир и бытие-в-мире // Ф.-В. фон Херманн. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Томск, 1997.

2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: ДИК, 1999.

3. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Э. Гуссерль. Логические исследования... Минск; Москва, 2000.